

ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЕ КОНЯ ДУХУ - ПОКРОВИТЕЛЮ РОДА У ВЕРХНИХ КУМАНДИНЦЕВ (материалы)

Не требует доказательств мысль о том, что исследование верований любого этноса, сохранившего в народной памяти те или иные реликты далекого прошлого, заслуживает внимания не только с позиций религиоведения или изучения развития духовной культуры самой по себе. Будучи одним из важных этнопоказательных признаков, определяясь присущим любой форме религии синкретизмом и консерватизмом, традиционные верования, представления, ритуалы могут сохранять в себе отголоски всей этнической истории данного этноса, иногда вплоть до весьма архаических пластов. Поэтому детальное описание и исследование верований и обрядов современных этнических общностей, чей этногенез сложен и включает в себя различные компоненты или субстраты, имеют непреходящее значение с точки зрения истории этноса. В этом отношении показательны кумандинцы - североалтайская народность, хозяйство, социальная организация, материальная и духовная культура которой привлекают внимание исследователей уже не одно десятилетие¹. Проведенные дореволюционными и, особенно, советскими авторами, казалось бы, полные и всесторонние исследования этнографии кумандинцев - в частности, их народных верований в прошлом, все же не исключают возможности введения в научный оборот новых, на наш взгляд, достаточно представительных, материалов из этой сферы, генезис которых кроется, очевидно, в глубокой древности. Речь идет, в данном случае, о ритуале жертвоприношения коня родовому духу-покровителю Пайне (Пайна), детального описания которого в литературе нет². Оговоримся, что публикуемый материал относится к верхним* кумандинцам (оро кубанды), населяющим труднодоступный в прошлом район водораздела на правобережье средней Бии и сохранившим большое число самобытных и архаических этнографических черт. Данные получены от М.В.Костаракова, большого знатока культуры своего народа, которому автор выражает глубокую признательность за постоянное и бескорыстное сотрудничество. Описанный ниже обряд зафиксирован также со слов камов (шаманов) Сакана Кызлакова, Креслапа, Шарлака (Турачакский аймак Республики Алтай), ныне покойных. В прошлом кумандинцы считали, что, помимо личной покровительницы (Май, Май-энези), опекающей человека от рождения до смерти, о благе всего рода в целом заботился родовой дух Пайне. Дух-покровитель рода (особенно детей), своеобразный "гарант" благополучия его членов, Пайне оберегал и защищал их всегда, независимо от того, где и как жили сородичи: вместе или врозь, разделенные иногда сотнями километров. Старики-кумандинцы знали практически всех своих сородичей, обитавших как на Северном Алтае, так и в пределах нынешней Кемеровской области. Важную объединяющую роль здесь играли не только генеалогические предания, но и совместное проведение обрядов - в первую очередь жертвоприношения коня во время Пайне-Пайрам (праздника Пайне). Всех членов данного и стариков прочих ро-----

* Данная статья продолжает цикл работ В.Д.Славнина по этнографии кумандинцев, в которых приводятся сведения о группе родов чедыбер, челей и др., традиционно, со времен В.В.Радлова (сер. XIX в.), относимых исследователями к "нижним кумандинцам" - "алтына куманды". - Примеч. отв. ред. до оповещали о празднике заранее. Присутствие приглашенных на жертвоприношении было обязательным, и они (прежде всего старики от 60 лет и старше) верхом, пешком, на лыжах добирались до жертвенного места рода-устроителя. Встречи членов всех родов во время общих ритуальных праздников объединяли и всех вообще кумандинцев. Мало того, что здесь происходили прямые знакомства, - в условиях экзогамии ("Пирь сёк кижы алышпас" - "одной породы люди не женятся")*, часто во время Пайне Пайрам происходили смотрины, сговоры родителей молодых и т.п. Считалось, что Пайне приобретает силу в зависимости от численности и крепости рода, могущества духа-покровителя как бы пропорционально значимости человеческого коллектива. У большого, многочисленного рода - могущественный Пайне. Это обстоятельство нашло отражение и в разговорной речи: характеризуя весомость положения рода или семьи, говорили: "Кадых пайнелих сёк (чурт)" - "могущественный дух у этого рода (семьи)". Именно поэтому старались занять в жертвоприношении и ритуальном распивании сакрального напитка ортка как можно больше людей, тем самым стремясь увеличить силу Пайне.

Функции родового Пайне были весьма разнообразны, направлены не только на поддержание материального благополучия рода, но и на увеличение его численности (и, соответственно, уменьшение смертности в результате "происков" злых шаманов и их духов - "азе сек читен", т.е. злых духов, пожирающих кут - жизненную силу - членов данного рода). Считалось, что Пайне вместе со своим помощником От-Эзи (Огня Хозяйка) могут отразить попытку злого шамана или его духов проникнуть в дом ночью через дверь или дымоход с целью похищения кут его обитателей. Пайне бьется с врагами, используя родовой медный меч Кылыш Пайнези, ранее имевшийся в каждом кумандинском жилище. В

этой схватке иногда погибают энчилер (духи злого шамана) или он сам. Такого могучего духа-заступника хотели иметь все роды, и для обеспечения этого они использовали своего родового шамана (тосту кам). Именно "большие родовые шаманы с бубном" (Наан кам, тосту пайнелих тёрлю кам) имели силу и способность избрать (или назначить) с разрешения и с помощью Ульгения и духов предков духа-покровителя Пайне. Все прочие категории шаманов (шаманы с плетью, шаманы с метлой) права на такой акт не имели.

В свою очередь, сила шамана определялась по могуществу Пайне: если люди рода не болеют, редко умирают, если он уве-----

*Все кумандинские тексты и их переводы даны в авторском варианте без каких-либо исправлений. - Примеч. отв. ред.

личивается численно - стало быть, этот род имеет сильного духа-покровителя, а значит, и кама. Степень могущества того и другого определяли во время камлания шаманы других родов. Повествовалось об этом так: "Хотел через дымоход проникнуть в дом - От-Эзи чуть меня (шамана - В.С.) не сжег. Хотел через окно проникнуть - Пайне чуть меня не пересек (медным мечом. - В.С.), еле убежал от него (кадых чурт полтур)".

Итак, Пайрам Пайнези был очень значительным событием в жизни не только отдельных родов, избравших себе сверхъестественного покровителя или "усиливавших" его мощь, но и для всех оро кубанды в целом. В празднике, состоявшем из жертвоприношения Пайне и общего пиршества, принимали участие как члены рода-устроителя, так и старейшины соседних родов. Основным ритуалом было принесение в жертву коня и кормление Пайне - в нем принимали участие только взрослые мужчины рода и гости-старики. Женщины сюда не допускались, хотя девушки на выданье и готовили жертвенную пищу непосредственно на месте проведения обряда. Последующее пиршество было всеобщим и проходило в селении. Основной фигурой праздника был "большой родовой шаман" через посредничество которого род и приобретал духа-покровителя.

Специального шаманского плаща (шубы, кафтана) кумандинцы не знали. Поэтому для проведения обряда шаман надевал вывернутую мехом наружу обычную шубу и специальную шапку с опушкой из росомахи (рис.1 - 8) - тёрден и пюрюк кам. К шапке была прикреплена косичка длиной 30 см., плетеная в три пряди из волос гривы рыжей лошади. Низ шапки обшит бахромой. Сверху, на тулье, крепились перья разных птиц, каждое из которых имело свою символику: перо филина означало, что шаман будет лететь бесшумно и хорошо видеть ночью; перо черного ворона означало, что зрение кама будет таким же острым, как у ворона, высматривающего падаль; перо орла предполагало способность высокого полета и парения; перо золотистого шура говорило о том, что шаман сумеет проходить через норы так же свободно, как и эта птица; перо ласточки показывало, что Кудай-Ульгень хорошо встретит и самого шамана (точнее, его двойника - сюр), и его духов. Наконец, шкура росомахи, из которой сшита шапка, делала шамана способным долго и без усталости бежать, как это свойственно упомянутому зверю.

Для устрашения злых духов к подолу и рукавам шубы пришивали медвежьи, волчьи, росомашьи когти и клыки. На спину нашивались в несколько рядов бронзовые самодельные бубенчики (шонуртке), величиной меньше куриного яйца. Бубенчик имел четыре отверстия; внутри него находилось от одного до трех шариков (для этого часто использовались картечины). Многознач

ную функцию и огромное значение для шамана имел пояс - кам курчак. В этом поясе, вытканном из шерстяных ниток невинной девушкой, была заключена вся сила кама. Пояс - дорога шамана, его "ковер-самолет"; кам связывал им злых духов или ловил их, как арканом; когда в своих странствиях по иным мирам шаман встречался с пропастью, он перебрасывал один конец пояса через нее - получался надежный мост. Пояс хорошо защищал шамана, выполняя функцию брони: опоясанного кама в бою не мог одолеть ни один злой дух. Основа тканого пояса была холщевой (кеден учук), уток - из разноцветной (оранжевой, белой и черной) шерсти. Орнамент напоминал рога, клыки, крылья, различных животных. К поясу кама привешивался медный или бронзовый нож в ножнах (пычак кында) или такой же родовой священный меч (кылыш, кылыш Пайнези), а также трубка (канза) и кисет (нанчик, нанчикла). Только медный или бронзовый меч мог отпугнуть злые силы или принести победу над ними; трубка же, как увидим дальше, также играла свою роль в ритуале (рис.1 - 12,13). Атрибуты шамана включали в себя бубен (тёр) и колотушку (тонак). Перекрестье бубна было двойным, антропоморфным; на обтяжке с лицевой стороны изображена мифологическая модель вселенной (рис.1 - 9, 10).

Для жертвоприношения Пайне заранее выбирают белого жеребенка и выкармливают до трех-четырёхлетнего возраста. Лошадь, предназначенную для этого, не объезжают, а просто водят в недоуздке, чтобы она "привыкала к людям". Считалось, что на этом коне Пайне будет объезжать территорию, на которой живут члены подопечного рода. Когда наступает назначенный день (обычно на ущербной фазе луны), у священной березы на жертвенном месте собираются все главы семей рода-устроителя и представители других родов. Туда же под уздцы приводят белого коня. Такое дерево располагалось обычно в стороне от деревни, не менее, чем в одном километре от нее. Неподалеку от березы разводят костер и подвешивают над ним медный жертвенный котел (казан асчин ошпыжыргин), в

котором, по поверью, находится половина души жертвенного коня. Такие котлы в старину кумандинцы отливали сами методом "утерянного воска". Священный очаг располагался метрах в десяти к востоку от дерева. Жертвенную лошадь отводили от котла на десять шагов восточнее священной березы трое мужчин, державших лошадь. Затем морду лошади охватывали облегающим ноздри жгутом из холщевых полотенец (кеден) - в том месте, где обычно проходит наносный ремень узды. Между слабо завязанным жгутом и нижней губой лошади вводили березовую палку, с помощью которой двое мужчин начинали постепенно закручивать жгут на переносе коня. Лошадь, как ни странно, обычно стоит неподвижно, как вкопанная; это

считалось верным признаком будущего спокойного существования рода. Жгут мало-помалу закручивали все туже, глаза коня заливались кровью, он постепенно опускался на колени. Мужчины продолжали работать накруткой; лошадь ложилась на бок. В этот момент необходимо было следить, чтобы животное обязательно легло спиной на север, а головой на запад.

Задохнувшаяся лошадь должна была лежать еще некоторое время, достаточное для того, чтобы набить каму трубку, добыть огня кресалом и закурить. Верили, что этим действием помогают "душе" лошади быстрее покинуть тело - живая лошадь табачного дыма не терпит, следовательно, и ее "душа" ведет себя таким же образом и спешит уйти. Не докурив канзу до конца, шаман выбивал ее, "ловил" "душу" коня, с тем, чтобы позднее отвести ее Пайне. Лишь после этого приступают к снятию шкуры, предварительно окончательно убедившись, что лошадь мертва. Для этого кончиком ножа наносили укол у основания копыта, с задней его стороны (в нервный узел). Свежевание производилось по строгому канону: лезвие ножа должно было проходить только по т.н. "линиям рождения", которые хорошо заметны на шкуре всех животных (по представлениям всех таежных охотников, шкура любого зверя состоит из частей, соединенных при творении в единое целое именно по этим линиям; кумандинцы - не исключение. - В.С.). Особенно осторожно снимали шкуру с головы лошади,

оставляя губы и уши. Оставляли на месте также копыта и хвост. Тушу лошади быстро расчленили по суставам, не убирая со шкуры. Мясо срезали со всех костей, которые затем (вместе с мелко нарезанным мясом) укладывались в жертвенный котел (к окончанию свежевания вода в котле должна была кипеть). Позвоночную часть туши расчленили в шести местах и варили последней. Как только последняя порция мяса укладывалась в котел, приступали к изготовлению из шкуры чучела лошади. Для этого на шкуру накладывали березовые ветви и аккуратно сшивали ее по линии разрезов, формируя фигуру коня. Затем вдоль хребта пропускали жердь, одним концом упиравшуюся в лоб изнутри чучела, другим же концом проходившую под хвостом. Через ушное отверстие вытаскивали наружу заранее привязанную к жерди волосную веревку, свободный конец которой привязывали к этой же жерди под хвостом. Посередине получившейся петли закрепляли обыкновенную (не волосную) веревку, которую затем перебрасывали через развилку священной березы (выбиралось именно такое дерево) при помощи длинных деревянных вил для вершения стогов. За свешивающийся конец этой веревки чучело начинали подтягивать вверх. Как только оно достигало высоты развилины, веревку закручивали вокруг ствола и стягивали петлей. В момент закрепления чучела на березе кам начинал часто и беззвучно

позевывать; затем негромко и монотонно напевать "э-э-э, э-э-э", сопровождая пение легкими, негромкими ударами бубна в такт. Одновременно помощники кама (старейшины рода) наполняли чашу из березового капа (ур аяк) нарезанным мелкими кусочками мясом и ставили ее под березой. Здесь же устанавливали берестяное корыто (тозыяк) с очищенными от мяса черепом и костями ног коня, берестяной же трех- или четырехведерный туес (тузек), наполненный жертвенным напитком ортка. Напиток этот делается из талкана (грубая мука из пережаренного ячменя) и заквашивается без дрожжей. В быту его пили как квас, называя абыртка (апыртка); во время же употребления в ритуале он получает название ортка. В туес с напитком опускали берестяную ложку (тос кожик, кыик) с длинной ручкой, сделанную тут же (рис. 1 - 1,2,3,4). Этой ложкой затем черпали ортка и выплескивали через левое плечо, угощая таким образом Пайне. Под березу же ставят еще один тозыяк с нарезанной кольцами кровяной колбасой, сочными казан тертеги и внутренностями. Извлеченный из черепа через естественные отверстия мозг, смешанный с вареной кровью, излившейся в брюшину задушенной лошади, в небольшой берестяной чаше (тос аяк) передавали старейшинам рода для последующего угощения духа-покровителя. Кам, вызвавший своих духов-помощников энчилер позевыванием, негромким пением и легкими ударами колотушки по бубну, постепенно входит в транс. Находясь во время камлания восточнее священной березы, он обращен лицом на запад, к чучелу лошади и к солнцу (жертвоприношение начинали во второй половине дня - кун туш кийганда). Народ в определенном порядке рассаживался с южной стороны - в первых рядах сидели старейшины рода-устроителя. Приглашенные находились к юго-востоку от березы и видели шамана только со спины.

Убедившись в том, что все энчилер прибыли, шаман просит их отвести его к духам более высокого ранга, назначившим этого человека камом - родовым духам туухлар, обитающим в родовой священной горе (само название этих духов генетически связано со словом туу - гора). Число их равно девяти, они могут "разжаловать" шамана, лишив своего покровительства, или даже умертвить. Будучи доставлен к туухлар,

кам начинает вести с ними переговоры: он просит их увеличить его силу, поскольку ему предстоит нелегкий путь к самому богу-творцу Кудай Ульгеню и далее - в небесную землю, к предкам, испросить у последних благословения и благополучия роду. При этом кам обращается к духам туухлар со следующими просьбами:

"Курч кос мага бер - раак корерге" (острое зрение, зоркость мне дай, чтобы далеко видеть);

"Одух тышь мага бер - азелер тынары кезекебарга, одух пек тыргак бер - азелер карсанарыны чорарга" (острые клыки мне дай, чтобы перегрызать горло врагам азелер; крепкие, сильные когти дай, врагам азелер животы распарывать);

"Куштух канат бер - ись учерге" (орлиные крылья дай - по следу лететь);

"Индых куч берлер мага Ылмыс пол учерге Кудайза, техри сыратынса шынарга ол черзя (мощи мне дайте в Ылмыс (комета, падающая звезда - В.С) превратившись, до Кудая мчаться и выше неба в страну предков).

Духи туухлар отвечают шаману: "Капас косян - чер утре корзин" (не видящий твой глаз пусть сквозь землю просматривает); "Отпес тыштерин мокай тыштераш ползун, кижы тыргагы ордна мокай тыргагы ползун" (тупые зубы твои медвежьими клыками пусть будут, слабые человеческие ногти твои медвежьими когтями пусть будут);

"Канат чок кижеге, кой апырчин куштын Карта (Кереде, Гаруда. - В.С.) канады ползун" (крыльев не имеет человек, овцу носящей птицы Карта крылья пусть будут);

"Индых Энчи перербис, Ылмыс полке уччин" (Мощного Духа дадим, превращенного в Ылмыс летающий).

Получив помощь от родовых духов туухлар, кам начинает свой долгий и трудный путь к небесному богу Кудай Ульген, чтобы просить позволения на зарождение (приобретение) Пайне - покровителя своему роду, или усилить его могущество. Дело в том, что первое жертвоприношение проводится с целью обретения родового Пайне (в случае конфликта с прежним покровителем), все последующие мал тайтан - для повышения его силы.

Из повествования кама участники жертвоприношения мал тайтан узнают, что бог позволил приобрести нового Пайне или укрепил его. После этого кам при помощи (или в виде) Ылмыс (кометы, метеора) устремляется в страну предков Техри сыртынза (Техри - небо в целом. - В.С.), путь в которую лежит через холодные пространства по усыпанному звездами Млечному Пути (Улух чёл узютердын - Великий путь узютов). На пути шаману неоднократно встречаются злые духи иных миров - мерзкие, скользкие как лягушки и змеи, страшные чудовища и звери. Кам заслоняется от них бубном, как щитом, взмахом медного меча-кылыш поражает их и летит дальше. Там он достигает входа (отверстия) в мир предков (двойник, или как говорят информаторы, "душа земной земли") - ол черте (букв. "той земли"). Тут кам вновь должен биться со страшными духами, которых он даже назвать не может - настолько они ужасны. От их вида у шамана волосы встают дыбом. Кам, однако, побеждает и этих врагов. У входа в ол чер первым его встречает предок шамана.

Последний рассказывает, где и какие промахи и несправедные дела он совершил при жизни, кто или что послужило причиной его смерти. Предок-шаман наставляет прибывшего к нему потомка, чтобы тот служил роду честно, не обижал слабых, убогих, женщин и детей, не отказывался помогать больным, когда они просят излечить их, хотя бы и пришлось для этого преодолеть большие расстояния пешком.

Дух предка запрещал каму брать плату за камлание от сородичей, повелевая ограничиваться лишь общим пользованием пищей, которую не брать с избытком, про запас. Требовал не совершать ряда конкретных поступков, могущих принести беду сородичам (в частности, камлать в нетрезвом виде; вообще запрещал злоупотреблять хмельным). Предок просил не охотиться за "душами" членов других родов и не позволять чужим камам похищать кут людей своего рода. Наконец, в случае необходимости предок давал разрешение шаману на изготовление второго бубна-тёр для камлания дружественным родам, нуждавшимся в шамане. Это делалось в том случае, если они не имели своего "большого" родового, или имели камов низшей категории, камлавших с плетью или метлой, которым проводить важнейшие обряды было запрещено.

Затем к нему подходят духи умерших старейшин и других предков, которые наказывают, что и как делать всему роду при рождении Пайне и во время жертвоприношения последнему, сколько дней должна длиться ритуальная трапеза, т.е. угощение Пайне через сородичей - участников обряда, какие предметы-амулеты делать из шкур жертвенного коня и через какое время (сроки бывают различные). Обычно шкуру-чучело снимают с березы не позднее, чем через три дня (бывает, что и через 3-5 часов), распарывают и делят, разрезая на ремни так, чтобы, по возможности, хватило на всех глав семей - участников мал тайтан. Шаману камусом жертвенного коня подшивали подволоки, так как он "жил как все", так же ходил на охоту на лыжах и т.п. Если кому-либо из участников не хватало ремней-оберегов, то он брал пять волос из гривы и хвоста (пеш кылган). Амулет вешали в доме на чердаке или в сенях. Считалось, что он удерживает Пайне в доме - дух-покровитель как бы воплощается в нем. Каждый охотник вообще старался постоянно иметь при себе либо вещь (ножны, лямки котомки и т.д.), либо

деталь одежды, в которой присутствовала бы часть шкуры ак ат (белой жертвенной лошади), считая, что это гарантирует его и его кут от козней злых духов (турлахлар, кижы тыны читен азелер, куренг и др.). Наконец, духи предков передают приветствия приглашенным старейшинам (не только своим, но и присутствующим чужеродцам). Кам поименно называет их. Если участники обряда не знают кого-либо из названных, он сразу становится известным,

престиж его повышается: только человеку, достойному уважения и почитанию, могут быть адресованы благопожелания духов-предков. Такому человеку духи шамана предсказывают его дальнейшую судьбу и судьбу его рода. Таким же образом узнают грядущее и все остальные старейшины. Духи назначают, кому и когда делать следующее родовое или семейное (чурт Пайнези ударга) жертвоприношение.

Потом кам обращается к главам семей своего рода (чурт башпульгин кижилерге) с предсказаниями и наказами духов-предков рода. Он сообщает, что ожидает род в будущем; какие грехи совершены сородичами (например, убийство медведя, барсука и т.п.), за что и пало на них возмездие в виде болезни, неудачи в промысле и пр.; в каких местах и в какое время года запрещается охота. Большой наказ передается родовому покровителю Пайне. Ему вменяется в обязанность зорко следить за благополучием каждой семьи, входящей в род, пользуясь при этом От-Эзи (хозяек огня, очага), за увеличением численности рода и его процветанием.

После всего кам прощается с предками и говорит, что повернул назад, покинув ол чер, Техри сыртын через вход кара ут, кара кол (черная дыра, черное отверстие). Трудный его путь лежит теперь через небо с обратной стороны земли, где царит вечный холод и светит луна (ай). В этом мрачном мире он вновь вступает в схватки с враждебными духами, пытающимися схватить его. Кам увертывается от них, прыгает, отмахивается от врагов, изо рта у него бьет пена. Наконец, кам возвращается домой, на землю. Вернувшись, шаман ведет разговор с духом Пайне, повествуя ему о своем тяжком пути во имя получения у Ульгена и предков санкции на обретение Пайне силы и власти, о том, что такое разрешение получено. Происходит своеобразный диалог между камом и Пайне.

"Теперь прими от всего рода коня чёрге ат, иноходца, на котором будешь ездить везде, где живут твои подопечные", - обращается шаман к Пайне. - "Прими угощение - крепкий ортка и целую тушу конского мяса. Ешь, набирайся сил, укрепляй могущество свое. Если плохо видел - прозрей, сквозь горы просматривай. Если плохо слышал - пусть ухо твое будет таким чутким, чтобы слышать жужжание комара за тысячу километров (пирь мунг), чтобы правое ухо наставив на небо, за тысячу километров полет филина (бесшумный. - В.С.) слышал, а левое ухо к земле приложив, за тысячу километров шагающего зверя различил. Не давай спуску злым духам (азелер), особенно злобному куренг (бурый, коричневый)3, не давай ему пожирать "кут", души людские. Даю тебе в помощь Хозяюку Огня От-эзи, а оружием твоим пусть будет медный священный меч Кылыш Пайнези, который есть в каждой семье нашего рода". Окончив перечисление наказов, кам предупреждает Пайне, что в случае их невыполнения его больше не будут ни угощать, ни предоставлять верховой лошади, т.е. накажут, или вообще лишат всех привилегий.

Пайне (через того же кама) отвечает, давая клятву, что после такого обильного угощения, да еще имея молодого, резвого коня, будет разъезжать везде, бдительно надзирать за безопасностью и благополучием членов рода, обеспечивая его счастливое и спокойное будущее (сылгып корчёрерим).

Получив обещание от Пайне, шаман опускается на одно колено, потом приседает и замолкает, усталый. Подбегают его помощники (старейшины или "средние" шаманы), берут бубен, относят к березе и прислоняют к ней. Всю берестяную посуду с мясом, костями, внутренностями, до этого момента находившуюся под березой, забирают две молодые девушки и обносят ими приглашенных чужеродцев. Те берут по куску мяса, потрохов, по косточке, по куску кровяной колбасы, а также берестяную чашку тос аяк с остывшим бульоном. Все остальное идет на угощение мужчинам того рода, который проводил жертвоприношение. Каждый из присутствующих бросает через левое плечо некоторую долю всего, что начинает есть, и выплескивает малую толику ортка из-под левой подмышки назад, произнося при этом пожелание благополучия роду и семье. Лишь после этого все участники ритуала едят жертвенное мясо и пьют из берестяных чашек ортка, налитый берестяным же черпаком - тос кыжык из большого ритуального туеса у подножия березы. Заметим, что емкость чашек довольно велика - до 2,5 л.

По окончании ритуального вкушения мяса жертвенного коня, девушки уносят в селение всю жертвенную посуду. Все до единой очищенные и неповрежденные кости лошади собирают и в анатомическом порядке укладывают в яму глубиной 25 - 30 см., выкопанную в том месте, где была удушена лошадь - получается полный скелет, к которому через 3 - 5 часов будут присоединены и копыта. Яму роют по величине коня, укладывая скелет в том же положении, что и сама лошадь после удушения (т.е. спиной на север и головой на запад). После этого костяк обертывают берестой и закладывают яму толстыми пластами дерна, делая насыпь от собак. Закончив "похороны" останков коня, все участники мал тайтан отправляются домой, где уже заканчиваются приготовления к общему ритуальному пиру.

В селении женщины (и свои, и жены старейшин-гостей) приготовили пищу, нагнали (или гонят) араку, остудили в родниковой воде еще один ритуальный напиток - сыра (медовое пиво). В чей-либо большой двор (или прямо на площадь) стаскивали столы, стулья, посуду. По словам информаторов, в это время никогда не случалось осадков, поэтому празднество проходило под открытым небом всю ночь в течение трех суток. Делились новостями, заключали брачные договоры, пели бытовые и исторические песни (такпак). По истечении назначенного срока все разъезжались по своим селениям, просветленные и успокоенные относительно будущего своего рода - до следующей встречи на соответствующем празднике, но проводимом уже членами другого рода.

Шаман снимал с шубы все бубенчики и подвески, выворачивал ее шерстью внутрь, превращая ее в обыденную одежду. Шапку с перьями, пояс, бубен и колотушку подвешивал к матице около дымохода чувала; тут же висел и родовой медный меч.

Следует отметить, что в ряде случаев Пайнези Пайрам проводился в честь покровителя не одного, а нескольких родственных родов. Ритуал здесь, практически, тот же самый, но все заинтересованные роды находятся в сфере действия одного кама (обычно это родовой шаман наиболее сильного сеока), имеющего вместо одного два бубна-тёр: с одним он камлает в своем коллективе, другим пользуется во время межродовых торжеств. Все роды, имевшие единого наан тосту кам'а относились друг к другу дружелюбно, по-братски - в особенности к роду своего могущественного кама-заступника.

Несколько слов о жертвенной пище, употреблявшейся непосредственно в процессе жертвоприношения. Приготовлением ее, как отмечалось выше, занимались молодые девицы на выданье. Внутренности варили в висящем на цепи казане после того, как сварено мясо и жир с бульона снят и переложены в другой - берестяной - сосуд. В котел доливали родниковую воду (кара суух), в которой и варили нарезанные мелкими кусочками сердце, печень, легкие, а также промытые кишки. Одновременно готовили кровяную колбасу из излившейся при удушении коня в брюшную полость крови и запекшейся там, Кровь разводили водой и заливали в отрезки кишок "длиной в одну руку" (пир кол узыны); концы колбас перевязывали ниткой, после чего варили. В мясном бульоне варили сочни казан тертеги квадратной формы (10*10 см. при толщине 0,4 см.) из крутого ячменного теста. Жир, снятый с бульона, шел на замешивание талкана, приготовленного здесь же, на месте; талкана высыпали в жир столько, сколько необходимо для получения крутого "пельменного" теста. Тесто это (токчам) скатывали в шарики величиной с куриное яйцо и укладывали в тозыак (берестяное блюдо). Взрослые не ели токчам - его уносили домой для детей от пяти до двенадцати лет. О специальном кушанье для Пайне - извлеченном из черепа мозга, смешанном с вареной кровью - мы уже упоминали, равно как и о напитках ортка и сыра.

Араку непосредственно во время обряда не употребляли, ее пили на общем пиршестве в деревне. В заключение, не претендуя на сколько-нибудь глубокие

обобщения, подведем все же некоторые предварительные итоги изложенному в публикации.

1. Пайнези Пайрам у кумандинцев - явление сложное по своему генезису, состоящее, на наш взгляд, из нескольких, хронологически и этнически различных пластов, с течением времени слившихся в единый, синкретичный, ритуал.

2. Несмотря на внешнее сходство с подобными же жертвоприношениями у других саяно-алтайских этносов, кумандинский мал тайтан прямых аналогий с ними (в ряде важнейших деталей) не имеет, заставляя, скорее, вспомнить даже не древнетюркский ритуал, а "Скифский рассказ" Геродота (способ удушения животного с помощью накрутки, водружение чучела коня на шестах и пр.), некоторые эпизоды осетинского эпоса (Сослан, путешествующий по "иным мирам" на чучеле коня), общеиранскую мифологию о коне в ветвях мирового дерева и т.п. 4 Из современных этнических групп воспоминания об идентичном способе жертвоприношения коня есть только у томских татар-зуштинцев, которых Г.И.Пелих считает томскими карагасами. 5

3. Архаическая фигура Пайне (Пайна) именем своим соотносится, скорее, не с Умай (Май, Май-эне); с названием этого общетюркского персонажа оно, видимо, лишь созвучно (напомним, что кумандинцы отчетливо различали Пайне и Май-эне). Определенные ассоциации вызываются, очевидно, с именем значительного якутского божества (духа) - Баайанаб, имеющего отношение не только к промысловому культу (что для кумандинцев-охотников само по себе приемлемо), но и к общей идее плодородия и благополучия. Функционально Пайне, как это следует и из описания обряда, и из имеющихся в нашем распоряжении космологических преданий, видимо, сходен с такими всадниками-охранителями, оберегающими членов того или иного родоплеменного объединения, как хантыйский Мир-Сусне-хум (тот и другой - светлый воин, вооруженный мечом и поражающий злых духов).

4. В ритуале, а также в ряде поверий и обычаев явно прослеживается древний культ меча⁷, несколько трансформированный на шаманистической основе, но сохранивший свою архаику (материал оружия, форма его (см. рис. 1 - 12), хранение чаще всего не у шамана, а у кого-либо из старейшин рода и т.п.).

5. Древний охотничье-промысловый пласт, имеющий, по-видимому, субстратный характер, отчетливее всего выявляется как в самих взаимоотношениях членов рода со своим духом-покровителем,

построенным на принципе "do ut des", так, особенно, в обряде "похорон" костяка жертвенного коня, - действе, направленном в архетипе на реальное возрождение животного.

6. Содержание обряда само по себе, как нам кажется, пронизано идеей плодородия и, в особенности, культа предков. Последние как бы утверждают данное творцом-Ульгеном разрешение роду через родового шамана на получение сверхъестественного покровителя; не случайно, "мир предков", располагающийся "за небом", является последней инстанцией в путешествиях кама.

7. В целом материал по "празднику Пайне", дополненный другими сведениями (мифами, представлениями о жизни, смерти, судьбе человека, преданиями о народе "дин" - предках кумандинцев, расселенных в древности "от Абаканцев до реки Умар (Обь - В.С.) и уничтоженных или разогнанных нашествием кыргызов и т.п.), а также в совокупности с детальным исследованием погребального обряда* и, особенно, с анализом жертвоприношений лошади в других случаях (Хозяину Гор, покровителю охоты, похоронные жертвоприношения), может стать основой для уточнения ряда спорных аспектов этногенеза и этнической истории кумандинцев.

-----*См. более подробно другие публикации автора: Славнин

В.Д. Погребальный обряд кумандинцев//Обряды народов Западной Сибири. Томск, 1990. С.132-146; его же. Архаика в духовной культуре кумандинцев: вселенная и человек, время и календарь//Методы реконструкций в археологии. Новосибирск, 1991. С.179-218; его же.Этногенетические и исторические предания и песни верхних кумандинцев (по материалам М.В.Костаракова)//Современные проблемы исторического краеведения. Кемерово, 1993. С.61-65. - Примеч. отв.ред.

1См., напр., Вербицкий В.И. Алтайские инородцы. М., 1893; Анохин А.В. Материалы по шаманству у алтайцев//Сб.МАЭ. 1924. Т.4. Вып.2; Дыренкова Н.П. Охотничьи легенды кумандинцев//Сб. МАЭ. 1949. Т.П. С.110-132; Потапов Л.П. Обряд оживления бубна у тюркоязычных племен Алтая//ТИЭ. Т.1. М.-Л., 1947; Потапов Л.П. Очерки по истории алтайцев. М.-Л., 1953; Сатлаев Ф.А. Сельская община кумандинцев во второй половине XIX - первой четверти XX в.//Социальная история народов Азии. М., 1975. С.100-114; и пр.

2Таких сведений нет, например, в недавних специальных и сводных работах: Сатлаев Ф.А. Кумандинцы: (Историко-этнографический очерк XIX - первой четверти XX в.). Горно-Алтайск, 1974; его же. Коча-Кан - старинный обряд испрашивания плодородия у кумандинцев//Сб.МАЭ. 1971. Т.27. С.130-141; Алексеев Н.А. Ранние формы религии тюркоязычных народов Сибири. Ново сибирск, 1980; Потапов Л.П. Конь в верованиях и эпосе Саяно-Алтая//Фольклор и этнография. Связи фольклора с древними представлениями и обрядами. Л., 1977. С.170 и сл.

3Дух злого шамана, поедавшего кут и при жизни, а после смерти остающегося на земле в облике большого лохматого зверя вроде собаки, рыщущего в поисках кут малолетних детей.

4Геродот. История в девяти книгах. Под ред. С.Л. Утченко. Л., 1972. С.201,204-205; Дюмезиль Ж.

Осетинский эпос и мифология. М., 1976. С.43-45; Топоров В.Н. О Брахмане. К истокам концепции//Проблемы истории и культуры народов Индии. М., 1974. С.65, 69; Любопытные совпадения времени жертвоприношения, жертвенного животного, времени года и других важных с точки зрения семиотики и семантики понятий прослеживается, как ни странно, не в тюркской, а в древнеиндийской традиции пятичленных классификационных рядов. См.: Раевский Д.С. Модель мира скифской культуры. М., 1985. С.194 и сл.

5Пелих Г.И. Происхождение селькупов. Томск, 1972. С.252-253.

6Алексеев Н.А. Ранние формы религии..., С.225-228. 7Геродот. История. С.202; Рерих Н.К. Меч Гессар-ха на//Рерих Н.К. Избранное. М., 1979. С.203-206.

ПОДПИСИ К РИСУНКАМ

Рис.1. Атрибуты жертвоприношения Пайне 1 - очох казаны, котел для поджарки ячменя для талкана; 2 - казан асчин ошпыжыргин - подвесной медный котел для варки мяса; 3 - туес для напитка ортка; 4 - берестяная ложка-черпак тос кыжык; 5 - берестяная чашка для ортка - тос аяк ара иштен; 6 - инкрустированная металлом чаша из березового капа - ур аяк; 7 - тозыяк - берестяное блюдо или корыто; 8 - шаманская шуба тёрден и шапка пюрюк кам; 9 - шаманский бубен тёр - оборотная и лицевая сторона; 10 - колотушка тонак; 11 - шаманская плеть ырбык; 12 - родовый священный меч из меди или бронзы кылыш Пайнези; 13 - шаманская трубка канза.

Рис.2. Церемония жертвоприношения коня родовому покровителю Пайне. Камлание "большого кама" Страя (с рисунка М.В.Костаракова).